

ШОТЛАНДИЯ: НАЦИЯ БЕЗ НАЦИОНАЛИЗМА?

Я. И. Мальцев

После объявления о проведении 18 сентября 2014 г. референдума о независимости Шотландии сепаратистское движение в этой части Британии оказалось в центре внимания мировых СМИ и аналитиков. Хотя вопрос шотландского национализма и до этого не относился к числу игнорируемых политической наукой проблем (классические работы Нейрна и МакКрона увидели свет еще в 1970-е гг., возможность разрыва установленных 300 лет назад отношений спровоцировала новый взрыв интереса к теме.

В 1998 г. Парламентом был одобрен Акт о Шотландии, утверждавший деволюцию полномочий от центрального правительства к новому шотландскому парламенту в Холируде. Ведавший шотландскими делами с 1885 г. *Scottish Office* был расформирован, большая часть его функций отошла новому шотландскому правительству, а взаимодействие между Вестминстером и Холирудом осуществлялось через новый орган – *Scotland Office*. По мнению Дэвида МакКрона, после этого после этого ранее применявшийся к Шотландии термин ‘*Stateless nation*’ утратил свою актуальность, так как свое государство, хоть и не независимое, шотландцы обрели¹. В 2007 г. Шотландской Национальной Партии (*Scottish National Party* – *SNP*) впервые удалось набрать лучший результат на выборах в Холируд и сформировать коалицию

меньшинства. В 2011 г. *SNP* только улучшила свой результат, недобрав лишь одно место для получения абсолютного большинства в парламенте (необходимо было набрать 65 из 129 мест). На грядущих выборах 2016 г. в свете электорального провала лейбористов (всего одно место в Шотландии) и успеха *SNP* (56 из 59 шотландских мест) на выборах в Парламент Великобритании в 2015 г. вполне правомерно допустить возможность получения националистами большинства в Холируде, которое позволит им формировать правительство, не оглядываясь на другие политические силы в стране.

Шотландская Национальная Партия прочно стоит на позициях независимой Шотландии. В целом, сепаратизм может рассматриваться как крайнее проявление национализма, стремление к окончательной политической актуализации нации – построению собственного государства. Национализм, вместе с тем, совершенно не обязан непременно принимать сепаратистские формы. Баварский национализм в Германии или татарский национализм в России, в целом, принимают идею существования в политических рамках общих с другой нацией, а не формирования собственного полностью независимого *nation-state*.

Тем более не обязан быть сепаратистским национализм в Шотландии. До 1970-х гг. XX века считалось, что шотландцы осознанно сделали выбор в пользу союза с Англией, и развитие шотландской нации не имеет непереносимой связи с отделением от Великобритании. Шотландцы были в первых рядах формировавших свою национальную идентичность народов. Так называемый «тартизм» (*tartanism*) – сте-

¹ Dalle Mulle E. The Nationalism of the Rich. Discourses and Strategies of Separatist Parties in Padania, Catalonia, Scotland and Flanders. / E. Dalle Mulle. – Geneva, 2011. – [Electronic resource]. Mode of access: http://www.academia.edu/3483884/The_nationalism_of_the_rich_discourses_and_strategies_of_separatist_parties_in_Padania_Catalonia_Scotland_and_Flanders

реотипическое изображение шотландской культуры как культуры килтов и горцев – восходит к Вальтеру Скотту, одному из творцов привычного нам образа шотландца². Осознание себя в качестве отдельной от англичан нации наблюдается еще раньше, в XVIII веке Юм отмечает развитую литературную традицию шотландцев, выделяющую их среди других европейцев. Литературные вкусы могут быть разными, но важен сам факт выделения шотландцев как сформировавшейся общности, следовательно, бурное развитие шотландского национализма в 1970-е гг. не может трактоваться как «рождение нации», нация уже рождена, вопрос в том, почему она решила пересмотреть договор, заключенный в 1707 г., 260 лет не вызывавший проблем в отношениях Великобритании и Шотландии.

Шотландский национализм может рассматриваться как часть европейской неонационалистической тенденции, включающей в себя Каталонию, Фландрию, Паданию и находящийся не в Европе, но обладающий схожими признаками Квебек. Все эти регионы более экономически развиты, чем их страны в среднем, и стремятся к независимости ради более полного распоряжения своими ресурсами. Особо близко друг к другу стоят случаи Шотландии и Каталонии, где националисты занимают левые позиции и протестуют против изъятия народных доходов в пользу всей остальной страны.

Шотландский национализм между двумя референдумами

После референдума 1997 г. о создании отдельного Парламента Шотландии перед британской политической системой встал сложный вопрос возникновения двух политических измерений – шотландского и британского. Так либеральным демократам требовалось блокироваться в Шотландии с лейбористами, а в Вестминстере – с консерваторами. Разумеется, такая конфигурация создавала серьезные идеологические проблемы для партии и, напротив, давала ориентированной исключительно на Шот-

ландию SNP большее пространство для маневра.

В 2007 г. SNP впервые выиграла выборы в Парламент Шотландии. С этого момента можно наблюдать интересную тенденцию в развитии шотландского национализма: уровень поддержки идеи независимости не повышался, но популярность партии росла, так как националисты оказались эффективными управленцами, чего их противники не ожидали³. Историческая ирония – от первого лейбористского правительства, избранного в 1923 г., так же ждали неизбежного провала, после которого на партии можно будет ставить крест. Лейбористы же проявили себя вполне уверенными политиками, заняв одно из двух ведущих мест в британской партийной структуре.

Если в 1974 г. SNP сумела извлечь выгоду из открытия нефтяных месторождений, в 1980-е обеспечивала себе скромный, но постоянный рост на фоне недовольства политикой Тетчер, то в 2000-е гг. фактором, повернувшим шотландцев в сторону националистической партии, стала война в Ираке. Иракская война, непопулярная в Британии в целом, нанесла серьезный удар по лейбористам, бывшим основными соперниками SNP в вопросах о власти в Шотландии. Националисты делали упор на то, что шотландские войска не должны участвовать в военных конфликтах, а независимая Шотландия в принципе не будет ввязываться в войны.

Заметно, что электоральные успехи SNP весьма нестабильны. За успехом 1974 г. последовал провал 1978 г., для следующего большого прорыва потребовалось вовлечение страны в непопулярную войну. Это давало повод говорить об SNP как о партии, ориентированной на чистый успех на выборах, а не на выстраивание прочных общественных структур. Период с 2007 по 2014 гг. изменил ситуацию. На фоне ослабевающих лейбористов, проводивших неэффективные предвыборные кампании и терявших связь с избирателями, шотландские националисты все более эффективно утверждали себя в роли лидирующей партии региона и посто-

² Finlay R. Scottish history. / R. Finlay. – Oxford: Oxford University Press, 2005. P. 196.

³ Gallaher J. Where next for Scottish devolution? / J. Gallaher. // Public Policy Research. December–February 2011.

янного политического игрока. Злую шутку с лейбористами сыграл тот факт, что, по мнению многих партийных лидеров, «реальная политика» делалась в Вестминстере, выборы же в Шотландский парламент большой важностью не обладали. В итоге агитация и работа в Шотландии проводилась лейбористами по остаточному принципу, за что они поплатились сначала в 2007, а затем – в 2011 г. *SNP* же не просто могла сосредоточиться на чисто шотландских вопросах, но и продвигала концепцию партии, являющейся более чем партией, интересным примером подобного позиционирования служат «Свадьбы *SNP*», призванные показать, что националисты стремятся не просто к получению голосов, но к разделению с сообществом всех сторон его жизни.

В 2000-е гг. начинает складываться концепция «экономической нации». Шотландцы постулировали свои отличия от англичан с их неолиберальной экономической доктриной, предполагавшей индивидуалистическую конкуренцию. Для Шотландии же были более характерны взаимная поддержка и развитие, основанное не на безграничной конкуренции, а на ценностях коммунитаризма⁴. Экономическая аргументация националистов таким образом оказывается увязана с ценностной. Необходимо, впрочем, отметить, что годы неолиберализма не прошли даром для шотландского национализма, породив в нем течение сторонников модели создания в Шотландии эффективного пространства для либеральной конкуренции, а не общества, осуществляющего прямую поддержку своих членов. Однако эти разногласия не являются определяющими и не отменяют единства по основным политическим вопросам.

Главным итогом периода 1999–2014 гг. можно считать сложившийся факт установления *SNP* в качестве одной из ключевых партий Шотландии. Два срока подряд националисты демонстрировали свою способность к эффективному управлению, перейдя от стратегии борьбы за конкретные места на конкретных выборах к структурированию по-

⁴ Geoghegan P. Scotland's Revenge. / P. Geoghegan. – Foreign Policy [Electronic resource]. – 28.04.15. – Mode of access: <http://foreignpolicy.com/2015/04/28/scotlands-revenge-uk-election-scottish-national-party>

литической системы, в которой *SNP* будет занимать устойчивые и постоянные позиции.

Референдум о независимости – без победителей

В 1990-е гг. Эрик Хобсбаум охарактеризовал шотландский национализм как инструменталистское течение, чья сепаратистская риторика служит лишь способом получить большую автономию. Предполагалось, что после деволюции вопрос о независимости окажется, по большому счету, снят, а политический процесс в Шотландии сведется к борьбе за позиции в местном Парламенте и правительстве. Готовность *SNP* идти до конца продемонстрировала, что прочность Союза переоценена, а упорство шотландских сепаратистов – напротив, оказалось выше, чем ожидалось.

Референдум продемонстрировал, что, несмотря на общий отрицательный для националистов результат, существенная часть шотландцев настроена голосовать «за». Такое количество голосующих не может быть проигнорировано, *SNP* не получила необходимого результата, но продемонстрировала свою силу. Хотя лишь 4 региона проголосовали за отделение (Северный Ланкашир, Западный Дамбартоншир, Данди и Глазго), среди них оказался крупнейший город Шотландии.

По опросам YouGov единственной возрастной группой, где сторонники независимости победили оказалась группа 25–35-летних, где таковых оказалось 55%. Возможно, это связано с их ожиданиями от рынка труда и экономики в целом, потрясения в которой для молодых людей крайне нежелательны. Группой же наиболее уверенно поддержавшей Союз оказались самые возрастные избиратели – 73% людей старше 65 проголосовали за сохранение единства.

Проголосовавшие «за» живут в областях с более высоким уровнем безработицы, чем в среднем по Шотландии. Во всех четырех областях, высказавшихся против союза, доля безработных превышает 16% при среднем уровне по стране в 12,8%. Это позволяет говорить о голосовании за независимость в том числе как о попытке изменить экономическую ситуацию в стране.

Наравне с концепцией полной независимости обсуждается вариант так называемой «Максимальной деволуции» (*Devo Max*) с передачей Шотландии максимально возможного объема полномочий. По итогам референдума она и так получила возможность регулировать налогообложение в дополнение к тем полномочиям, что у нее уже были. Таким образом, референдум не снял противоречия между Англией и Шотландией, может оказаться, что он стал лишь очередным шагом на пути к независимости.

Победа *SNP* на выборах в Парламент 7 мая 2015 г. стала ярким знаком того, что националисты на сегодняшний момент стали главной политической силой в стране, хотя и не все шотландцы разделяют их радикально сепаратистские взгляды. После выборов в Парламент Шотландии 2016 г. и весьма вероятного успеха *SNP* Великобритании рискует получить одну из самых опасных политических конфигураций – доминирование националистов в Шотландии при консервативном правительстве. Очевидной причиной раздора может стать евроскептицизм консерваторов, противостоящий европейским устремлениям шотландских националистов. Если в 2017 г. консерваторы исполнят свои обещания и проведут референдум о выходе из ЕС, это может спровоцировать новый конституционный кризис, поскольку *SNP* много раз недвусмысленно заявляла о том, что не мыслит страну вне Европейского Союза.

Такие противоречия более опасны для Соединенного Королевства, чем громкие акции наподобие референдума 18 сентября. Постепенное расхождение устремлений подданных британской короны в разных регионах может сформировать условия, в которых политические кризисы будут следовать друг за другом, а Шотландия превратится в неиссякающий источник проблем для центрального правительства.

Перед референдумом Дэвид Кэмерон обещал Шотландии предоставление максимально возможных полномочий в области самоуправления. Он не отказывается от своих слов, но предлагает увеличить долю переданных полномочий не только для Шотландии, но и для Англии, Уэльса и Северной

Ирландии. Сложно говорить о реализации этой идеи, к примеру, у Англии просто не существует собственных органов подобных Парламенту Шотландии, неясно, кто именно будет осуществлять увеличившиеся полномочия. В любом случае это предложение показывает, насколько нестабильна на сегодняшний момент конституционная конструкция Великобритании.

Почему шотландцы становятся националистами? Шотландия 260 лет была органичной частью Империи и Соединенного Королевства, делая политический выбор в пользу единой Великобритании. Указание на нефтяные доходы как на стимул к сепаратизму не может объяснить столь последовательного движения в сторону независимости, какими бы высокими эти доходы ни были. «Национализация» Шотландии есть свидетельство разочарования в политической системе Великобритании в целом. В статье на одном из основных националистических ресурсов "*Bella Caledonia*" Джон Уоррен указывает, что на последних парламентских выборах консерваторы получили большинство, заручившись реальной поддержкой лишь 24% британцев, треть избирателей не пришла на выборы. По его мнению, такая политическая система просто не отражает демократическую волю британцев. Справедливости ради, *SNP* на выигранных выборах в Холируд 2011 г. получила поддержку 22,1% от общего числа шотландского электората, так что аргумент Уоррена является скорее игрой на публику, но растущий отказ от поддержки «традиционных» общевеликобританских партий действительно указывает на неверие шотландцев в их способность обеспечить процветание региона.

Экономические диспропорции современной Великобритании также играют свою роль в стремлении Шотландии к обособлению. Так, если брать ситуацию в Англии, в Большом Лондоне, в котором проживают лишь 16% населения страны, на жителя приходится в 24 раза больше денег, потраченных на инфраструктурные инвестиции, чем на Северо-Востоке страны. Для Великобритании все более характерно выделение богатого консервативного Юга и недополучающего средств Севера, не доверяюще-

го консерваторам. Из 158 мест в северных английских регионах консерваторы получили на выборах лишь 43, лейбористы в свою очередь смогли занять только 10 в южных регионах за пределами Лондона. Великобритания поляризуется, но Шотландия не стремится занять то или иное место в борьбе традиционных партий, предпочитая выбирать националистов, которые, по мнению избирателей, будут лучше отстаивать интересы страны в Парламенте.

Поляризация между Севером и Югом проявляется и в поляризации между Англией и Шотландией. Неолиберальная политика в Англии резко противоречит растущим шотландским расходам на социальное обеспечение. Постоянное упоминание возможной приватизации национальной системы здравоохранения было одним из лейтмотивов выступлений Алекса Салмонда на дебатах против лидера кампании «Лучше вместе» (*Better together*) Дэнни Александра. По словам английского журналиста Эндрю Нила, когда деньги для шотландцев текли рекой, они не собирались реформировать свои общественные службы: «В Англии лейтмотивом политики было «сокращать, сокращать, сокращать», в Шотландии же – «тратить, тратить, тратить»». Было бы чрезмерным предсказать Англии и Шотландии неприменный разрыв на основании бюджетных противоречий между регионами, но расхождения в социальной политике из года в год становятся все более ощутимыми.

Референдум и последовавшие выборы в Парламент показали, что поддержка националистов совершенно не тождественна неприменному стремлению к независимости. На референдуме шотландцы *SNP* не поддержали, но на выборах в Парламент отдали почти все возможные места. Шотландцы, в целом, согласны с экономической и социальной доктриной *SNP*, но делать заключительный шаг пока не готовы.

В целом, можно выделить следующие причины, заставляющие шотландцев принимать доктрины националистов:

1. *SNP* удалось сформировать более привлекательную экономическую и социальную программу, чем консерваторам. Ценности социальной поддержки и общественного един-

ства вызывают отклик у более коммуитаристской, чем остальная Британия Шотландии.

2. Националисты имели более широкое пространство для политического маневра, так как они действовали исключительно в рамках Шотландии и не были ограничены необходимостью получать поддержку в других регионах Британии. Это также создало им имидж наиболее эффективных представителей шотландских интересов.

3. Конфликт идентичностей, наблюдавшийся с 1970-х гг., также сыграл свою роль. Несмотря на то, что противоречия между церквями Шотландии и Англии давно в прошлом, а языковые различия в общем контексте сепаратистского вопроса несущественны, попытка наполнить британскую идентичность исключительно английским содержанием корродировала общую национальную идентичность. Проблема усугублена размытостью самой концепции британской идентичности, формировавшейся в условиях многообразия региональных культур Соединенного Королевства, а не континентального привнесения к единому стандарту, характерного для Франции или Испании. Особо ярко конфликт идентичностей проявился в споре о введении обязательной платы за высшее образование – совершенно нормального явления для Англии, но неприемлемого в Шотландии, где образование – один из столпов национальной идентичности.

4. Голосование за *SNP* является в своем роде протестным, оно олицетворяет потребность в создании иной политической и экономической системы, отдельной от британской. Британскую экономическую модель, к примеру, считают неудачной 46% шотландцев.

Перспективы *SNP* многообещающи, но считать шотландское национальное движение окончательно оформившимся нельзя. После упадка консервативной партии в стране осталась определенная доля людей правых убеждений, чьи политические взгляды на сегодняшний момент, по сути, не находят адекватного представительства ни в Парламенте Великобритании, ни в Парламенте Шотландии. Эта группа развивает концепции «предпринимательского национализма» в противовес отстаиваемому *SNP* национа-

лизму социального обеспечения. Согласно этой концепции, задача шотландского правительства состоит не в формировании государства всеобщего благосостояния, а в создании условий для реализации личного потенциала в мире свободного рынка, поощрении предпринимательства, а не простой индивидуальной помощи. Если правая националистическая партия будет сформиро-

рована, и борьба на выборах в Шотландии будет вестись между нею и SNP, это будет означать фактическое формирование обособленной политической структуры к северу от Англии. По сути, националистическое развитие Шотландии может привести к независимости без формального отделения. Тогда сказать, что эта нация существует вне национализма, не сможет уже никто.

Шотландия: нация без национализма?

Ярослав Игоревич Мальцев, студент Факультета политологии МГИМО (У) МИД России.

Аннотация: До 1990-х гг. 20 века для описания шотландского политического развития использовались концепты «Нация без государства» и «Нация без национализма». После деволюции 1998 года и электоральных успехов Шотландской национальной партии ни одна из этих конструкций не может верно охарактеризовать происходящие в Шотландии процессы. Формирование новой расстановки политических сил в Шотландии еще не завершено, но на текущий момент, с учетом крайнего ослабления позиций «больших» партий в Шотландии она развивается в сторону появления в стране политической конфигурации, отделенной от общебританской.

Ключевые слова: Шотландия, национализм, Шотландская национальная партия, Референдум о независимости Шотландии 2014 года, деволюция.

Scotland: Nation without Nationalism?

Yaroslav Igorevich Maltsev, BA student, School of Political Affairs, MGIMO University

Abstract: In the period before 1990s two concepts were used to describe the Scottish political development: "Nation without nationalism" and "The stateless nation". After the devolution of 1998 and electoral achievements of SNP neither of these constructions can properly characterize the processes, undergoing in Scotland. The forming of new alignment of political powers in Scotland is not yet finished, but so far its development leads to the emergence of political configuration separated from that of All-British, with regard to extreme weakening of "big" parties in Scotland.

Key words: Scotland, nationalism, Scottish National Party, Scottish Independence Referendum, devolution.